

Ю. В. Гераськин, В. Н. Джейранов

**ВЛАСТЬ И ЦЕРКОВЬ В ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ
В РЯЗАНСКОЙ ДЕРЕВНЕ**

В статье освещаются государственно-церковные отношения в годы коллективизации сельского хозяйства, когда духовенство и церковь были объявлены пособниками кулака. Воинствующая атеистическая пропаганда была составной частью идеологической кампании по созданию колхозов. Анализируется государственная политика наступления на церковную организацию, осуществлявшаяся по следующим направлениям: закрытие и ликвидация храмов, введение административных и социальных ограничений, препятствующих осуществлению богослужбной деятельности, запрет колокольного звона, снятие колоколов. Кроме того, ограничительная политика шла по линии фискального и административного давления, что, например, выражалось в завышении страховых платежей, отказе в регистрации религиозного объединения, раскулачивании священника или доведении его до отказа от сана и т. п. Разрушение традиционных основ крестьянского мира вызвало ожесточенное сопротивление селян. Формы протеста крестьян воинствующей антирелигиозной политике были разнообразными — от активных форм публичного протеста до пассивного сопротивления через подачу жалоб и распространение листовок. Широкое распространение получили также массовые выступления крестьянок против антирелигиозных проявлений политики коллективизации: закрытия храмов, изъятия церковных ценностей, снятия колоколов, ареста священников. Несмотря на серьезные потери церковной организации в деревне в результате победы колхозного строя, сопротивление крестьян политике воинствующего атеизма позволило сохранить остатки церковной инфраструктуры и православные традиции.

коллективизация; церковь; сельсовет; поп; крестьянин; сводка; закрытие; бунт

В 2019 году исполняется 90 лет дате, вошедшей в историю как «год великого перелома». Это выражение было введено в идеологическое пространство Сталиным и означало переход к мобилизационной экономике, включая форсированную индустриализацию и сплошную коллективизацию¹. По сути это был период настоящей гражданской войны в деревне, политических репрессий против противников партийного курса.

Изучение истории крестьянства такого важного центрального региона, как Рязанский, непосредственно прилегающего к столице, имеет свою историографию. Несомненным вкладом в разработку регионального аспекта проблемы стала работа под редакцией Л. Виолы и С. Журавлева «Рязанская деревня в 1929–1930 гг. Хроника головокружения. Документы и материалы»². Кроме того, особенности проведения коллективизации в рязанской деревне отражены в сборнике статей «Победа колхозного строя в Рязанской земле», исследованиях Е. А. Кирьяновой и О. В. Плехановой³. Взаимоотношения государства и Церкви в 1920–1930-е годы в рязанском крае представлены в публикациях Ю. В. Гераськина, О. А. Дудоровой, А. А. Федина⁴.

¹ См.: Сталин В. И. Год великого перелома: к XII годовщине Октября // Правда. 1929, 3 окт.

² См.: Рязанская деревня в 1929–1930 гг. Хроника головокружения. Документы и материалы / под ред. В. Линн, С. Журавлева. М.: РОССПЭН, 1998. 751 с.; Линн В. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления / пер. с англ. А. В. Бардина. М.: РОССПЭН, 2010. 367 с.

³ См.: Коллективизация сельского хозяйства Центрально-Промышленного района (1927–1937 гг.) / под ред. П. П. Кирьянова. Рязань, 1971; Победа колхозного строя в Рязанской земле: сб. ст. / отв. ред. И. С. Степичев. Рязань, 1976. 219 с.; Кирьянова Е. Коллективизация деревни Центра России 1929–1932 гг. Рязань, 2006. 261 с.; Плеханова О. В. Налогообложение в деревне: практика и уроки (по материалам Московской, Рязанской, Тульской губерний 20-х годов) // Отечественная история: люди, события, мысль: сб. науч. тр. Рязань, 1998. С. 148–162.

⁴ См.: Гераськин Ю. В. Государство и Церковь (из истории государственно-церковных отношений в Рязанском крае в XX веке). Рязань, 2003. 80 с.; Гераськин Ю. В., Дудорова О. А. Антирелигиозная пропаганда советской власти: формы и методы на примере Рязанской губернии (1928–1933 годы) // Проблемы современной науки: сб. науч. тр. Ставрополь, 2015. Вып. 16. С. 116–122; Гераськин Ю. В., Дудорова О. А. Антицерковная политика государства в Рязанской губернии // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2016. № 1. С. 35–40; Гераськин Ю. В., Федина А. А. Кампания по изъятию церковных ценностей как катализатор обновленческого раскола в Рязанской епархии (по материалам прессы) // Там же. 2017. № 2. С. 70–77.

Несмотря на большой пласт исследований проблематики коллективизации, практически отсутствуют попытки комплексного рассмотрения влияния экономических, политических, социокультурных процессов, происходящих в рязанской деревне в конце 1920-х — 1930-е годы, на государственно-церковные отношения, дихотомию религиозных настроений деревенского населения. Настоящее исследование представляет собой попытку восполнить существующий пробел. В каких изменениях в сфере государственно-конфессиональных отношений проявился «год великого перелома»? Какой характер и особенности приобрела религиозная политика Советского государства?

После кратковременного перемирия с Церковью в рамках «Декларации» митрополита Сергия (Страгородского), опубликованной 18 августа 1927 года в «Известиях» и провозглашающей признание советской власти со стороны церковной организации, уже с 1928 года началось складывание нового формата отношений государства и Церкви. На собрании актива московской организации ВКП(б) Сталин, призвавший к наступлению на кулака в условиях хлебозаготовительного кризиса, соединил его с необходимостью проведения «самой боевой антирелигиозной работы в массах»⁵. Сталин утверждал, что кулака поддерживают религиозные организации. В беседе с первой американской рабочей делегацией он решительно заявил, что компартия не может быть нейтральной и в отношении «...реакционного духовенства, отравляющего сознание трудящихся масс», которое подавлено, но еще вполне не ликвидировано⁶.

Всероссийский Центральный исполнительный комитет (ВЦИК) и Совет народных комиссаров (СНК) РСФСР 8 апреля 1929 года принимают постановление «О религиозных объединениях», который ставил всю деятельность религиозных организаций под контроль власти. В мае 1929 года на XIV Всероссийском съезде Советов была внесена поправка в статью 4 Конституции РСФСР, согласно которой с целью «ограничения распространения религиозных предрассудков», вместо свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды, была дозволена только свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды. Создается Комиссия по делам культов при Президиуме ВЦИК. Заметно активизировался Союз воинствующих безбожников. Так, в июне 1929 года на II съезде Союза было заявлено о необходимости провозглашения «безбожной пятилетки»⁷. В 1927 году были ликвидированы 134 церкви, в 1928 — 542, в 1929 — 1000⁸. Комиссия по делам культов 6 февраля 1930 года, вопреки положениям, отмечая «консолидацию контрреволюционного актива в рамках религиозных организаций», признавала, что постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 года «подлежит пересмотру в сторону упрощения процесса закрытия молитвенных зданий». Таким образом, упрощалась процедура закрытия церквей. Право окончательного решения данного вопроса было передано местным Советам⁹.

В мае 1929 года было принято Постановление СНК СССР «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде». В нем среди пяти признаков «кулацкого» хозяйства оказалось и служение его членов религиозному культу, приравненное к нетрудовым доходам¹⁰. Инструкция Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) от 1 октября 1929 года «О правах и обязанностях религиозных объединений» относила служителей культа к категории лишенцев — граждан, лишенных избирательного права¹¹.

11 февраля 1930 года было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений», которое предлагало исключение из актива «враждебных советскому строю» кулаков, лишенцев, «бывших людей»¹².

Государственная политика наступления на церковную организацию включала в себя: закрытие и ликвидацию храмов, введение административных и социальных ограничений на осуществление богослужбной деятельности, запрет колокольного звона. Кроме того, ограничительная политика в отношении духовенства и верующих выражалась в налоговом

⁵ Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М. : Политиздат, 1991. С. 145.

⁶ Там же. С. 147.

⁷ Алексеев В. А. «Правая оппозиция» и борьба с религией // Агитатор. 1989. № 5. С. 41, 43.

⁸ См.: Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. М. : Крутицкое подворье, 2007. С. 476.

⁹ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 22. Л. 4 ; Д. 1. Л. 4.

¹⁰ См.: Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 гг. / под ред. В. П. Данилова и Н. А. Ивницкого. М. : Политиздат, 1989. С. 221–222.

¹¹ См.: Бюллетень Наркомата внутренних дел РСФСР. 1929. № 37. С. 1–5.

¹² Одинцов М. И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести. М. : Прогресс, 1989. С. 45–46.

давлении, завышении страховых платежей, отказе в регистрации религиозного объединения, раскулачивании священника или доведении его до отказа от сана и т. п.

На фоне коллективизации развернулась воинственная антирелигиозная пропаганда, сопровождаемая открытыми провокациями. Представление о характере подобных провокаций со стороны местных властей, обостряющих противостояние Церкви и государства в деревне, дают нам архивные документы. В качестве примера можно использовать «Обзор Рязанского губотдела ОГПУ о политнастроениях православного духовенства и противодействии крестьян антирелигиозным мероприятиям власти». Красноречивы выдержки из него.

«В с. Змеевке Чернавской волости Скопинского уезда в апреле 1929 г. свирепствовал сыпной тиф, в связи с этим Скопинским уздравотделом были запрещены всякие собрания, были закрыты школы, изба-читальня и церковь. Священник закрытой церкви Дмитриев вместе с кулаками перед медперсоналом неоднократно требовали открытия церкви. В то же время среди верующих распространялись слухи, что церковь закрыта не по случаю эпидемии тифа, что Советская власть таким путем закрывает церкви вообще... Незадолго до Пасхи участковый врач Гольдрейер о карантине и закрытии церкви объявил лично попу Дмитриеву, который врачу сказал, что не видит надобности в закрытии церкви... Несмотря на это, Гольдрейер в открытии церкви отказал. После этого члены церковного совета начали обходить по дворам крестьян, в результате чего 23 апреля организовалась демонстрация, в которой в большинстве участие принимали женщины... Наряду с требованиями об открытии церкви, демонстранты кричали: “Почему нет хлеба, почему власть отвезла его за границу? Задушили нас налогами, а сами живут как баре, не дадим в обиду попа и проч.”».

«В с. Санском Шиловской волости 1 мая на базарной площади недалеко от церкви был поставлен открытый экран для демонстрации картины. Во время постановки экрана в церкви шла служба, по окончании которой верующие, проходившие мимо экрана, особенно женщины, набросились на экран и стали рвать полотно и избивать киномеханика комсомольца Маркешкина; на этот шум пришел секретарь ячейки ВКП(б) Попов, на которого толпа также набросилась и стала избивать и его. Избиваемые были освобождены подоспевшим председателем сельсовета...»

¹³

«В с. Борки Шацкой волости Сасовского уезда на 5 мая 1929 г. под пасхальное воскресенье комсомольская молодежь с активистами села и сезонными рабочими устроили антирелигиозный вечер, который проходил до 11 часов ночи. В 12 часу стали звонить в колокол, антирелигиозная группа в это время у здания сельского совета поставила киноаппарат и пустила картину, и шедшая в церковь религиозная молодежь останавливалась и в церковь не шла. Не успела закончиться картина, как сзади здание с/совета было подожжено, и возник пожар... Толпа закричала, что это подожгли коммунисты-безбожники, так как они под великий день праздника на вечеринке пьянствовали, и рекомендовала бросить их в огонь. Разъяренная толпа во главе с кулачеством схватила избача, члена ВКП(б) Шлычкова и пыталась бросить в пламя горящего здания...».

«В школе с. Пителино, расположенной в церковной ограде в саду, под воскресенье 5 мая после антирелигиозного вечера для присутствующих демонстрировалась картина. В результате чего на второй день была подожжена школьная постройка и пожаром уничтожен школьный сарай с имуществом работников просвещения»¹⁴.

Удар по духовенству в период коллективизации был неизбежен, несмотря на то что единого организованного движения сопротивления антирелигиозной политике в том виде, в котором его представляли спецорганы, не было. Сопротивление духовенства было стихийным и в основном выражалось в агитации против вступления в колхозы.

Докладная записка партинформатора по Ерахтурскому району в Рязанский окружком ВКП(б) «Духовенство — непримиримый враг коллективизации», написанная в феврале 1930 года, излагает следующие факты: «Раскулаченный поп с. Свинчус Соколов, перебравшийся служить в с. Нармушадь, открыто повел контрреволюционную агитацию. Пользуясь темнотой села, поп распустил слухи о втором пришествии Христа, тем самым на селе создал панику. Женщины поверили, бегали из двора во двор, прощались, приходили в школу, с криком вытаскивали детей, боясь, что их будут клеймить, остальные женщины вместе с детьми шли в церковь, где поп почти целый день причащал и кропил святой водой, продавал смертные венчики, пришедших

¹³ Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 32–36.

¹⁴ ГАРО. Ф. Р-5. Оп. 2 (вн. 1). Д. 5. Л. 346.

благодарил словами: “Спасибо, спасибо, бабыньки, что вы пришли и не отrekliсь от Бога, теперь будете спасены”».

«В с. Занино-Починки 11 февраля поп Успенский через церковного старосту Астахова распространил слухи о том, что в ночное время в церкви раздаётся пение святых и загораются сами свечи; население поверило слухам, целыми толпами стекались у церкви, часами прислушивались к вымышленному пению святых... Выдумка попа подействовала на темных крестьян, часть из них стала выходить из колхоза»¹⁵.

Оперативные сводки Рязанского окружного отдела Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) о ситуации и основных происшествиях в округе в связи с коллективизацией сообщали следующие факты. «Поп с. Срезнево Чуковского района, бывший монах Филарет пользуется громадным авторитетом среди крестьянства, к нему ежедневно приходят целые толпы богомольцев и характерно то, что как крестьянин побывает у Филарета, так он не только сам категорически отказывается от вступления в колхоз, но и ведет против него агитацию. Между прочим, от Филарета исходит следующий слух: “Весной будет война, будет восстание, и тогда Советской власти придет капут”». Этот слух распространялся по всему Чучковскому району»¹⁶.

«В с. Анемнясово Касимовского района юродивая монашенка “Матрешенька”», пользующаяся особым авторитетом у женщин окружающих сел, которые целыми толпами ходят к ней за советами, ведет широкую агитацию против коллективизации, “пророчесствует” о скором падении Соввласти и “приказывает” не ходить в колхоз»¹⁷.

«Член Святозерского сельсовета Шиловского района, ярый церковник Пряхин В. Г., 10 ноября 1929 года, собрав вокруг себя несколько крестьянок, говорил, что он вычитал из Евангелия, что сейчас настало время числа 666, из коих выходит имя “Ленин” и пятиконечная звезда и т. д. В результате начался разбор обобществленных лошадей и выход из колхоза»¹⁸.

Вместе с тем документы сообщают и о фактах осторожного, лояльного поведения духовенства. Например, в приводимой ранее докладной записке партинформатора по Ерахтурскому району в Рязанский окружном ВКП (б) говорится также о том, что «в с. Увязе Ерахтурского района у попа обнаружено письмо Рязанского архиерея, который пишет, чтобы попы в период коллективизации к Соввласти были лояльны... Черкасов (дьякон) по директивам архиерея учит крестьян к смирению и покорности Соввласти, он пришел к крестьянину Харитонову и сказал: “Я, жалеючи, пришел к тебе, Илья, прошу, иди в колхоз, а иначе будет хуже, могут расстрелять — власть в ихних руках”. Он расстроил семью Харитоновых, они проплакали весь день»¹⁹. Священник села Гиблицы Касимовского района на вопрос середняка Иванова, идти ли ему в колхоз, ответил: «Если с Богом будет этот колхоз, то иди, а если нет, то не ходи»²⁰.

Несмотря на то что в антиколхозной агитации духовенства в основном использовалась религиозная аргументация, сопротивление обуславливалось социально-экономическими причинами. Духовенство ориентировалось на средние и зажиточные слои деревни, близкие ему по материальному статусу, от которых во многом зависело его благополучие²¹. Именно эти слои и вместе с ними духовенство коллективизацию не приняли, поскольку коллективизация была направлена, прежде всего, на их уничтожение. Их хозяйства разоряли, дома отнимали, а их самих ссылали. Священники, по сути, были приравнены к кулакам. В колхозы их, разумеется, не принимали, и так же, как единоличников, обкладывали непосильными налогами. Финансовые притеснения и политическое давление вынуждали многих отказываться от сана.

Из спецдонесения временно исполняющего обязанности начальника Рязокротдела ОГПУ узнаем, что «за последнее время духовенство почувствовало тягость налога и хлебозаготовок, стало индифферентно относиться к своим пастырским обязанностям и во главу угла поставило изыскание средств к уплате налогов и к существованию. Некоторые из них под напором своих детей уходят за штат под благовидными предлогами, другие снимают демонстративно сан, записываются в безбожники. Наиболее хитрые и проницательные, думая, что существование

¹⁵ ГАРО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 213. Л. 74–75.

¹⁶ ГАРО. Ф. Р-5. Оп. 2 (вн.1). Д. 5. Л. 322–332.

¹⁷ Там же. Л. 392–402.

¹⁸ Там же. Л. 562–573.

¹⁹ ГАРО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 213. Л. 74–75.

²⁰ ГАРО. Ф. Р-5. Оп. 2 (вн. 1). Д. 5. Л. 394.

²¹ См.: Крапивин М. Ю. Непридуманная церковная история: власть и Церковь в Советской России (октябрь 1917 — конец 1930-х годов) : моногр. Волгоград, 1997. С. 201.

Советской власти недолго, просто отходят от церковной жизни, не снимая сан. Ограничившись одним простым извещением своего начальства о том, что он «болен и просит место считать праздным»²².

Красноречивы штрихи докладной записки Рязанского окротдела ОГПУ партийному и советскому руководству округа о проблемах в ходе коллективизации и раскулачивания, составленной в феврале 1930 года секретарю окружкома ВКП(б) и председателю окрисполкома: «Настроение кулачества и духовенства в связи с операциями и раскулачиванием — паническое. Они бегут из пределов округа, оставляя хозяйство и семью. Таких случаев зарегистрировано по округу до 87. В большинстве случаев... в Ленинград, Москву и на Урал. Снятие сана священниками приняло массовый характер. Зарегистрировано три случая самоубийства, два со стороны попов (в Сев.-Рязанском и Старожилковском районе) и один со стороны кулака (г. Рязань)»²³.

По информации окротдела ОГПУ, «оставление священнослужителями сана за последнее время приняло массовый характер. С января по 25 ноября ушло за штат 40 человек, с 25-го по 1-е — 10 человек, к настоящему времени имеется 95 мест священнических незанятых, взято увольнительных грамот на предмет выезда из предела округа — 17 человек»²⁴.

Случались факты открытого ренегатства со стороны отдельных священников, если они не чувствовали за спиной крестьянской поддержки. Так, 24 ноября 1929 года жители села Сысой Сараевского уезда в церкви провели собрание, на котором выступило местное духовенство — два священника и два псаломщика, которые заявили, что они снимают с себя сан и что «религия была орудием господствующего класса и веками угнетала трудящиеся массы, что религия обман, что наука растет, масса культивируется, прогрессирует, религия отмирает», и призывали собравшихся бросить веру в Бога, а церковь предназначить для клуба; у собравшихся было приподнятое настроение, и из 1000 присутствующих против выступил только один. Выступавшие же «за» предлагали предъявить иск духовенству за те деньги, которые были переплачены им в течение ряда лет²⁵.

Коллективизация шла трудно, с перегибами, неизбежными ошибками. В крестьянской среде распространялись настроения недовольства колхозным строительством. Неудачи проще всего было списать на ошибки местного руководства и происки врагов — духовенства и церковного актива как пособников кулаков.

Главной причиной закрытия культовых зданий становилось отсутствие священников, поэтому крестьяне, дабы не потерять приход, вставали на защиту подвергавшихся репрессиям священников. Как доносил Рязокротдел ОГПУ, «13 мая 1929 г. в с. Павловском Чернавской волости Скопинского уезда... у попа Перехвальского, дьякона Тормарова были выявлены излишки скрытой земли, ульи и другие объекты, не подвергавшиеся в течение целого ряда лет обложению. Налоговая комиссия послала за попом и дьяконом, когда дьякон пришел в сельсовет, послышался набатный звон и к зданию сельсовета быстро начала собираться толпа крестьян с антисоветскими выкриками. Толпа прибывала... и, окружив со всех сторон с/совет, кричала: “Не смей облагать нашего батюшку, всю власть разорвем за него!”»²⁶.

В обзоре Рязанского губотдела ОГПУ о политнастроениях православного духовенства и противодействии крестьян антирелигиозным мероприятиям власти, составленном в июне 1929 года, читаем: «26 апреля с. г. диакон Манапин, председатель церковного совета Кунаев без всякого разрешения созвали собрание верующих прихода и потребовали на таковое представителя от ком. ячейки с целью объяснить собранию, будет ли выпущен из-под стражи священник Великовин к наступающему празднику Пасхи. Не дождавшись представителя, толпа около 200 человек, где было большинство женщин, двинулась к зданию с/совета и стала требовать немедленного освобождения священника. Пытаясь ворваться в здание с/совета, нанесли удары пытавшемуся не допустить их сельскому сторожу... среди толпы были выкрики “Бей их, коммунистов!” и угрожали, что если коммунисты не выпустят попа, то они учинят расправу с таковыми...».

В селе Остро-Пластиковое Ункосовской волости Сасовского уезда 7 мая с. г. священник Чувиковский после службы заявил верующим, что его вызывают в с/совет и, наверное, арестуют за то, что посетил с молебном дом коммуниста, попросил верующих защитить его. «Толпа

²² ГАРО. Ф. Р-5. Оп. 2 (вн. 1), Д. 5. Л. 158–161.

²³ Там же. Л. 309–311 об.

²⁴ Там же. Л. 440.

²⁵ См. там же. Л. 148–161.

²⁶ ГАРО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 46–52.

верующих из церкви в количестве около 300 человек двинулась к зданию с/совета, во главе шел поп... Толпа, пришедшая к зданию с/совета... придиралась, почему и на каком основании вызвали в с/совет попа. Местные руководители стали объяснять причины вызова, но толпа, не интересуясь объяснением причины, кричала «Бей их, сволочей!», стала ломать дверь и лезть в с/совет... Позже вышел поп Чувиковский и поблагодарил верующих за преданность религии...»²⁷.

В селе Деревенском Ижевского района «8 марта 1930 г., по окончании службы в церкви новый священник (вместо арестованного) заявил верующим, что завтра он уезжает, так как нет квартиры, хлеба и жалованья. После этого женщины в количестве 150 человек из церкви направились на женское собрание, посвященное Международному женскому дню, которое сорвали криками: «Дашь попа!» В президиум было подано заявление: «Мы нижеподписавшиеся — беднота вместе с середняками, просим Вас возвратить священника Остроумова (арестованного по ст. 58 п. 10), т.к. он ни в чем не виноват. Просим к заявлению приложить печать, а потом мы к нему подпишемся»». При выходе с собрания учителю Волкову, руководителю собрания и зав. почтой Воробьеву нанесено несколько ударов в бок, после чего толпа разошлась. 9 марта к заявлению об освобождении священника было собрано 400 подписей и группа женщин в 30 чел. приходила в сельсовет с требованием заверить подписи»²⁸.

В записке в информационный отдел ОГПУ Московского военного округа приводится необычный способ защиты священника. «В селе Можары партиец, работник избы-читальни Савилов на общем собрании бедноты поставил вопрос об изгнании попа, который, якобы, ведет агитацию против колхоза. На бедняцком собрании Савилов этот вопрос, хотя с натяжкой, но все же провел, но когда на другой день об этом узнало население, сразу же было подано более 40 заявлений о выходе из колхоза. Когда приехал председатель райисполкома и было проведено собрание, крестьяне говорили: «Мы в колхозе остаемся и будем там работать как следует, но если вы у нас возьмете батюшку, тогда из колхоза уйдем. Если наш поп будет агитировать против соввласти, тогда мы его сами прогоним»»²⁹.

С конца 1928 — начала 1929 года ОГПУ отмечало рост массовых выступлений на религиозной почве и рост числа их участников. Главной причиной большинства таких массовых выступлений ОГПУ называло закрытие церквей и отвод церковных зданий для общественных нужд, что не совпадало с интересами религиозных объединений. Из докладной записки секретно-политического отдела ОГПУ о формах и динамике классовой борьбы в деревне за 1930 год, составленной 15 марта 1931 года, узнаем, что по всей стране за 1930 год было зафиксировано 13 754 массовых выступления, из них 1487 на религиозной почве³⁰.

В селе Тума того же района 22 февраля на торжественном заседании, посвященном 12-летнему юбилею Красной армии, было решено закрыть церковь, причем тут же были отобраны церковные ключи. Утром 23 февраля толпа крестьян около 150 человек, подойдя к райисполкому, требовала немедленно открыть церковь. Несмотря на это, местная власть церковь не открыла и создала комиссию по проверке церковного имущества. Уже на следующий день члены комиссии пришли в церковь, при этом не соблюдались элементарные правила приличия (не сняли головные уборы, курили и т. п.). В результате собравшаяся из 7 селений, входящих в Тумский приход, толпа верующих около 500 человек подошла к помещению местной администрации, стала выражать протест, ломать забор около здания, требуя выдать ключи. При попытке со стороны власти разогнать толпу были избиты 4 милиционера. Из толпы раздавались крики: «Поломаем замки, но церковь не отдадим!», «Умрем за веру православную!». Волнение продолжалось в течение трех часов и, только когда были выданы ключи, толпа разошлась.

В связи с волнениями в Туме в ряде окрестных селений прошли массовые выступления: 25 февраля в деревнях Тырино и Сосино число участников массовых демонстраций доходило до 150 человек, слышались возгласы: «Долой колхозы!»; 26 февраля в деревнях Извеково и Арданово с 8 до 12 часов толпа в 250 человек ходила по селу с белым флагом, из толпы кричали: «Долой колхозы!», «Долой Советскую власть!». Руководителем этих демонстраций была беднячка М. Уткина, участница выступления в Туме³¹.

²⁷ ГАРО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 46-52.

²⁸ Там же. Л. 494.

²⁹ Там же. Л. 356-366.

³⁰ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы : в 5 т. Т. 2 : Ноябрь 1929 — декабрь 1930 / отв. ред. Н. Ивникий. М. : РОССПЭН, 2000. С. 787.

³¹ См.: ГАРО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 216. Л. 45.

В протоколе совещания секретарей райкомов ВКП(б) Рязанского округа от 26–27 февраля 1930 года о ходе коллективизации и подготовке к весенней посевной кампании были изложены причины восстания в Туме. Закрыть церковь решили рабочие, заявив, что сами закроют ее и поставят верующих перед свершившимся фактом, при этом они не учли того, что эта церковь обслуживала 14 деревень и из них только 4 вынесли решение о закрытии. Кроме того, священника (им был бывший член Государственной Думы Стефан Остроумов) отправили на лесозаготовки³².

Еще в начале 1929 года ВКП(б) в документах, касающихся особенностей антирелигиозной работы в деревне, содержались рекомендации партийным активистам воздерживаться от совершения ошибок. Так, в пункте 4 «О мерах по усилению антирелигиозной работы» протокола № 61 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 января 1929 года указывалось: «...там, где ведется борьба с религиозными влияниями, она часто ведется неправильно. С одной стороны, вместо углубленной антирелигиозной пропаганды в массах, подпадающих под влияние религиозных организаций, пропаганды, тесно увязанной со всем социалистическим строительством, ведется поверхностная антиклерикальная борьба с попами; кое-где имеет место огульное применение мер административного характера: закрытие церквей, административное запрещение исполнения религиозных обрядов, без серьезной общественной надобности и без серьезной необходимой подготовки общественного мнения трудящихся...»³³.

Несмотря на предпринимаемые центральным руководством усилия, ошибки, перегибы, прямые нарушения закона носили в практике начавшейся массовой коллективизации повсеместный характер. В результате 30 января 1930 года было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», в котором, наряду с кулаком, провозглашалась по сути бескомпромиссная борьба с церковью. К весне 1930 года давление на церковь стало настолько сильным, что возмущение верующих начало выливаться в массовые протесты, дополнявшие антиколхозные выступления.

Столкнувшись с перегибами на местах, политическое руководство отреагировало статьей Сталина «Головокружение от успехов», опубликованной в «Правде» 2 марта 1930 года и постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 марта того же года «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении». В нем руководство страны обязало партийные организации «прекратить практику закрытия церквей в административном порядке»³⁴, однако «списывало» массовое закрытие церквей на ошибки «ликвидаторов» и тем самым как бы шло на некоторые уступки верующим. Например, в октябре 1930 года была отменена норма, приравнивавшая священников к кулакам.

Следует учитывать также послание Папы Римского Пия XI с призывом к верующим всего мира о молитве за гонимую Русскую церковь, что существенно подрывало международный авторитет СССР. В интервью иностранным корреспондентам митрополита Сергия (Страгородского) последний был вынужден отрицать факты дискриминации Церкви в СССР. Благодаря этому шагу удалось добиться некоторых уступок, в частности в вопросах снятия колоколов и закрытия храмов при создании колхозов. Записка, состоящая из 21 пункта, была отправлена митрополитом уполномоченному по вопросам культов при Президиуме ВЦИК П. Г. Смидовичу. Записка была рассмотрена и приняты некоторые меры по нормализации государственно-церковных отношений³⁵.

Интересна информация о реакции крестьянства на послание Папы Римского Пия XI. В селе Сасыкино Шиловского района 20 марта 1930 года на собрании крестьян «в знак протеста против антисоветского похода Папы Римского под давлением церковников Федотова Т. и Алеханова Ф. принята была следующая резолюция: «Против крестового антисоветского похода Римского Папы мы протестуем, но от православной религии не отрекаемся». В селе Федосеево Пустынь 22 марта 1930 года на собрании «в знак протеста против антисоветских действий Римского Папы учителем Сусловым была предложена следующая резолюция: «В знак протеста произвести пожертвования на танк с именем “Безбожник”. Предложение приняли с условием, что танк не будет носить имени “Безбожник”»³⁶.

³² См. там же.

³³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 723. Л. 9–

³⁴ КПСС в резолюциях и документах съездов, пленумов и конференций. М., 1984. Т. 5. С. 103–104.

³⁵ См.: Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, 2010. С. 120.

³⁶ ГАРО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 686–689.

Коллективизация расколола не только крестьянский мир, но и церковные приходы. Об этом красноречиво свидетельствует следующий случай: 29 апреля 1930 года в церковь села Ижеславль Михайловского района пришла семилетняя девочка, дочь одного из колхозников, и попросила причащения. Одна из присутствующих женщин закричала: «Не причащайте эту нехристь, они пьют из нас кровь!» Присутствующие, возбужденные ее криком, подхватили девочку и вытолкнули ее из церкви³⁷.

В деревне развернулись известные исследователям «бабьи бунты» — женские массовые выступления против коллективизации и антирелигиозной политики власти. Они не ограничивались только защитой духовенства от произвола, но и были направлены главным образом в защиту храмов от закрытия, даже в том случае, если священник уже был арестован и служить было некому.

Этому историческому феномену есть объяснение. В Советской России разрушались не только храмы. Одним из первых декретов был разрушен церковный брак. Кодекс законов о браке и семье 1926 года утвердил новую модель семейных отношений. Законодательно признавался так называемый фактический брак, приравненный к зарегистрированному, когда достаточно было подтвердить факт совместного сожительства, ведения общего хозяйства, воспитания детей и свидетельские показания третьих лиц. В результате большинство таких браков быстро распалось. Расторжение брака в суде было отменено, все действия совершались в ЗАГСax³⁸. Негативное влияние на настроения крестьянок оказывали распространяющиеся слухи об «общем одеяле» в колхозах, хождении в них без одежды в летнюю пору. Поэтому женщины проявили стойкость в отстаивании православных семейных традиций. В то же время активность женщин-крестьянок в общественной сфере выросла в результате реализации властью в 1920-х годах политики эмансипации женщин, что повысило их самооценку и гражданскую активность. Это соединилось с архетипическими особенностями сознания крестьянок, на которые обратил внимание еще русский публицист-народник А.Н. Энгельгардт в заметках о пореформенной деревне³⁹.

Сводки и донесения ОГПУ буквально пестрят сообщениями о значительной роли женщин в крестьянских бунтах. «Роль и участие женщин в антисоветской деятельности в деревне непрерывно возрастает. В первой половине 1930 г. массовые выступления с преобладанием женщин среди участников составляют 32 % к общему числу выступлений. Во втором полугодии процент женских выступлений поднимается до 40 %, достигая в сентябре и октябре 54–55 %»⁴⁰. Доля гендерных выступлений по религиозным мотивам составляла в первой половине 1930 года — 28,6 %, во второй — 12 %, всего за год — 20,3 %. Для сравнения: в том же году доля выступлений на религиозной почве в объеме массовых акций крестьян (мужчин и женщин) составляла 10,8 %. Протестный потенциал женщин-крестьянок был в 2 раза выше, чем у мужской части населения деревни⁴¹. Л. Виола совершенно справедливо считает, что это были не вспышки массовой истерии, характеризующиеся разгулом насилия, а легитимный, рациональный протест, основанный на традиционной крестьянской морали⁴².

Рассчитывая, что женщинам все можно, они понапористее, погорластее, что им ничего не будет, что они несут меньшую ответственность, мужчины лишь подстрекали женщин на активные действия. Будучи более уязвимыми перед властями, мужчины подключались к участию в массовой протестной акции порой лишь в качестве защитников своих жен, матерей и дочерей, что позволяло избежать ярлыка подкулачников.

Относительно терпимое отношение власти к женщинам — участницам волнений, могло объясняться и тем, что, несмотря на повышенную эмоциональность, бабьи бунты заканчивались сравнительно мирно и практически без смертельных исходов. Власть эти бунты ставила в трудное положение.

В марте 1930 года Верховный суд РСФСР в своих разъяснениях по ст. 61 Уголовного кодекса относительно ответственности членов крестьянского двора отметил, что в данном случае необходимо учитывать половозрастные особенности. К уголовной ответственности привлекали главу двора или

³⁷ См.: ГАРО. Ф. Р. 5. Оп. 2 (вн.1). Д. 5. Т. 4. Л. 5.

³⁸ См.: Денисова Л. Н. Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. М.: РОССПЭН, 2007. С. 22–24.

³⁹ См.: Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М.: Госсельхозиздат, 1956. С. 274.

⁴⁰ Трагедия советской деревни. С. 793.

⁴¹ Подсчитано по: Докладная записка секретно-политического отдела ОГПУ о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 г., 15 марта 1931 г. // Там же. С. 793.

⁴² См.: Линн В. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. С. 77.

кого-либо другого, исполняющего обязанности главы двора, но наказывать женщин рекомендовалось «лишь в исключительных случаях»⁴³.

Оперативные сводки Рязанского окружного отдела ОГПУ зимой 1930 года сообщали о крупных выступлениях крестьянок против закрытия церквей под различными предлогами. «В с. Троице-Лесуново Кораблинского района 6 января в 17 час. с колокольни местной церкви раздался набат. Граждане выскочили из домов, одеваясь на ходу, и спрашивали друг друга: “Где пожар?” В это время в церковной ограде собралось уже около 200 женщин. Священник Чернов что-то рассказывал им. Прибыв туда, ст. милиционер Барков спросил священника: “Что здесь за собрание?” Женщины начали беспорядочно шуметь и кричать, на каком основании у них закрывают церковь (церковь закрыта в связи с эпидемией сыпного тифа). На уговоры милиционера женщины не обращали внимания. Священник Чернов, а за ним все женщины вышли на Базарную площадь с контрреволюционными возгласами. На площади собралось около 400 чел., которые шумели и кричали по адресу Соввласти: «Грабители, отобрали у нас весь хлеб и картофель, а теперь хотите закрыть и наши храмы». По вызову милиционера пришли два члена партии и стали убеждать толпу разойтись, но не имели успеха. На место собрания явились комсомольцы. Женщин пытались разогнать. Но также без успеха. Толпа стояла на площади до 23 час...»⁴⁴.

В селе Кулики Шацкого района «по инициативе председателя коммуны Жидкова местные комсомольцы приступили к вывозу из церкви (временно занятой под ссыпку семян) икон и церковной утвари. При вывозе комсомольцы часть икон покололи, часть пожгли или разбросали по селу и растащили по квартирам, причем при изъятии икон комсомольцы позволяли себе в присутствии женщин одевать ризы и всячески высмеивать религию. Часть церковного имущества (подсвечники и др.) комсомольцы решили сдать как утильсырье, и, когда подводы, нагруженные этим «утильсырьем», двинулись от церкви, возмущенные женщины, подобрав осколки икон по дороге, собрались всем селом и направились к зданию с/совета, а оттуда к квартире Жидкова, требуя от него ключи от церкви: “Давай ключи, церковь обдирать не позволим!...”»⁴⁵.

«В селе Новое Еголдаево Ряжского района 26 февраля с. г. в 3 часа дня возникли массовые беспорядки также на почве закрытия церкви... В названном селе была взята без надлежащего оформления и постановления общего собрания граждан церковь. Комсомольцы в ней устроили сцену и провели несколько спектаклей... В 2 часа дня 26 февраля к сельсовету пришла толпа преимущественно из женщин не только с. Н. Еголдаево, но и из с. Ст. Еголдаево и других сел. Толпа собралась приблизительно в количестве 1000 чел. Собралась она по оповещению женщин и мальчишек. Подошли к сельсовету, стали раздаваться выкрики и угрозы в том, что у верующих незаконно взята церковь. Толпой была выломана дверь в сельсовете. Предсельсовета вытащили на улицу и, подгоняя пинками, привели к паперти церкви. В это время производили колокольный звон, и толпа все прибывала и прибывала. Собралось... около 4000 чел. Толпа потребовала, чтобы устроено было общее собрание, и заставила предсельсовета на нем председательствовать. В протокол заставили предсельсовета занести, что присутствует 6000 чел. и приложить печать сельсовета. В это время в толпе были выкрики: “Бей местную власть, комсомольцев, коммунистов...”. Предполагалось разобрать обобществленный скот из колхоза... Поставленный на заседании ячейки ВКП(б) вопрос, что делать с церковью, был разрешен в том смысле, чтобы немедленно отдать церковь верующим...»⁴⁶.

«9 апреля 1930 г. при выезде колхозников с. Кривское Сараевского района в поле толпа женщин более 100 человек, вооруженных кольями, ухватами, железными кочергами, с белыми и черными флагами (фартуки на палках) явились на поле колхозников, отпрягли лошадей и прогнали их с работы, причем у одного колхозника изорвали пиджак и рубашку. Провожая колхозников с поля, из толпы кричали: “Вернуть дом попу, а колхозников выгнать!”»⁴⁷.

В деревне в годы коллективизации были отмечены случаи распространения листовок резко выраженного антисоветского характера с угрозами представителям власти. В селе Никитино Кораблинского района распространялись письма следующего содержания: в 1930 году на землю спустится Христос, а «до этого нужно терпеть и в колхоз не идти»⁴⁸. В феврале 1930 года на лесоразработках в районе села Ибердус Касимовского района (рабочих до 1000 чел.) была

⁴³ Бондарев В. А. «Бабы бунты» на Юге России в 1930-х гг.: к вопросу о гендерной специфике крестьянского протеста против сплошной коллективизации // Клио. 2010. С. 142–143. URL : <http://naukarus.com/babi-bunty-na-yuge-rossii-v-1930-h-gg-k-voprosu-o-gendernoy-spetsifike-krestyanskogo-protesta-protiv-sploshnoy-kollektivizatsii> (дата обращения: 15.01.2019).

⁴⁴ ГАРО. Ф. Р-5. Оп. 2 (вн. 1). Д. 5. Л. 470.

⁴⁵ ГАРО. Ф. Р-5. Оп. 2 (вн. 1). Д. 5. Л. 341–351, 371–372.

⁴⁶ Там же. Л. 439–450.

⁴⁷ ГАРО. Ф. Р-5. Оп. 2 (вн. 1). Д. 5. Л. 89.

⁴⁸ Там же. Л. 510.

обнаружена написанная от руки листовка антиколхозного содержания, наклеенная на дерево⁴⁹. Согласно агентурному донесению начальника Рязокротдела ОГПУ Извекова, было обнаружено письмо, в авторстве которого подозревался священник Цветков, который проводил прощальные исповеди, собираясь выехать из родных мест. На конверте, в котором находилась эта листовка, на обеих сторонах написано: «Долой колхоз, он вреден нам, он вреден нашим детям!»⁵⁰.

Подводя итоги, следует отметить следующее. В рамках жесткой политики сплошной коллективизации было нарушено шаткое перемирие между Советским государством и Русской православной церковью, которое установилось лишь в 1927 году, благодаря усилиям митрополита Сергия (Страгородского). Разжигание классовой борьбы в деревне поставило под удар церковную организацию, большинство сельских храмов было силовым способом закрыто, а священники репрессированы как пособники кулака. Воинствующая атеистическая пропаганда была составной частью идеологической кампании по созданию колхозов. Однако натиск на традиционные основы крестьянского мира вызвал ожесточенное сопротивление селян, в особенности крестьянок в защиту храмов и духовенства. Эта борьба крестьянского мира с местной властью, которая нарушала любые инструкции Центра, была обречена на поражение, но позволила сохранить остатки церковной инфраструктуры и православной традиции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Алексеев В. А. «Правая оппозиция» и борьба с религией // *Агитатор*. — 1989. — № 5. — С. 41–44.
2. Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. — М. : Политиздат, 1991. — 400 с.
3. Бондарев В. А. «Бабьи бунты» на Юге России в 1930-х гг.: к вопросу о гендерной специфике крестьянского протеста против сплошной коллективизации // *Клио*. — 2010. — С. 142–143. — URL : <http://naukarus.com/babi-bunty-na-yuge-rossii-v-1930-h-gg-k-voprosu-o-gendernoy-spetsifike-krestyanskogo-protesta-protiv-splshnoy-kollektivi> (дата обращения: 15.01.2019).
4. Гераськин Ю. В. Государство и Церковь (из истории государственно-церковных отношений в Рязанском крае в XX веке). — Рязань, 2003. — 80 с.
5. Гераськин Ю. В., Дудорова О. А. Антирелигиозная пропаганда советской власти: формы и методы на примере Рязанской губернии (1928–1933 годы) // *Проблемы современной науки* : сб. науч. тр. — Ставрополь, 2015. — Вып. 16. — С. 116–122.
6. Гераськин Ю. В., Дудорова О. А. Антицерковная политика государства в Рязанской губернии // *Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина*. — 2016. — № 1. — С. 35–40.
7. Гераськин Ю. В., Федин А. А. Кампания по изъятию церковных ценностей как катализатор обновленческого раскола в Рязанской епархии (по материалам прессы) // *Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина*. — 2017. — № 2. — С. 70–77.
8. Денисова Л. Н. Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. — М. : РОССПЭН, 2007. — 480 с.
9. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. / под ред. В. П. Данилова и Н. А. Ивницкого. — М. : Политиздат, 1989. — 526 с.
10. Кирьянова Е. Коллективизация деревни Центра России 1929–1932 гг. — Рязань, 2006. — 261 с.
11. Коллективизация сельского хозяйства Центрально-Промышленного района (1927–1937 гг.) / под ред. П. П. Кирьянова. — Рязань, 1971. — 902 с.
12. Крапивин М. Ю. Непридуманная церковная история: власть и Церковь в Советской России (октябрь 1917 — конец 1930-х годов) : моногр. — Волгоград, 1997. — 366 с.
13. Линн В. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления / пер. с англ. А. В. Бардина. — М. : РОССПЭН, 2010. — 367 с.
14. Одинцов М. И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // *На пути к свободе совести*. — М. : Прогресс, 1989. — С. 29–71.
15. Плеханова О. В. Налогообложение в деревне: практика и уроки (по материалам Московской, Рязанской, Тульской губерний 20-х годов) // *Отечественная история: люди, события, мысль*. — Рязань, 1998. — С. 148–162.
16. Победа колхозного строя в Рязанской земле : сб. ст. / отв. ред. И. С. Степичев. — Рязань, 1976. — 219 с.
17. Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. — М. : Крутицкое подворье, 2007. — 644 с.
18. Рязанская деревня в 1929–1930 гг. Хроника головокружения. Документы и материалы / под ред. В. Линн, С. Журавлева. — М. : РОССПЭН, 1998. — 751 с.
19. Сталин В. И. Год великого перелома: к XII годовщине Октября // *Правда*. — 1929, 3 окт.

⁴⁹ См. там же. Л. 277.

⁵⁰ Там же. Л. 281.

20. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы : в 5 т. / отв. ред. В. Линн. — Т. 2 / отв. ред. Н. Ивницкий. — М. : РОССПЭН, 2000. — 927 с.
21. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. — М. : Вече, 2010. — 480 с.
22. Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. — М. : Госсельхозиздат, 1956. — 490 с.

Сведения об авторах

Гераськин Юрий Вениаминович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Сфера научных интересов: взаимоотношения церкви и государства в Рязанской губернии (1928–1936 годы).

Контактная информация: e-mail: gera56@inbox.ru

Джейранов Станислав Нугзарович — священник, настоятель церкви Рождества Пресвятой Богородицы на Кулишках (г. Москва), аспирант кафедры истории России Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: государственно-церковные отношения в России в XX веке.

Контактная информация: e-mail: stas4587@mail.ru

Yu. V. Geraskin, S. N. Jayranov

**THE AUTHORITIES AND THE CLERGY
DURING THE PERIOD OF COLLECTIVIZATION IN THE RYAZAN PROVINCE**

The article treats the relationships between secular and religious institutions during the period of collectivization when priests were accused of favoring wealthy peasants. Atheist propaganda was a part of an ideological campaign aimed at the formation of collective farms. The article analyzes the Soviet attempt to target religion and the Russian church by closing cathedrals, introducing administrative and social limitations aimed at preventing liturgical activities, banning church bells, removing bells. Moreover, religious institutions experienced heavy administrative and fiscal pressure. Priests had to pay inflated insurance costs, were denied registration, were deprived of their possessions and were forced to initiate laicization. Seeing that their traditional lifestyle is being destroyed, many Russian peasants protested. Some peasants protested actively and publically, while others passively complained and spread leaflets. Peasants' mass protests against the government's antireligious policy swept the country. Peasants expressed their indignation at the fact that churches were closed, church values were seized, church bells were silenced, and priests were arrested. Even though religious institutions in Russian villages were eliminated, Russian peasants' desperate protests enabled people to preserve Orthodox Christian traditions and infrastructure.

collectivization; church; Village Council; priest; peasant; bulletin; elimination; rebellion

REFERENCES

1. Alekseev V. A. "The Right-Wing Opposition" and the Struggle against Religion. *Agitator* [Agitator]. 1989, no. 5, pp. 41–44. (In Russian).
2. Alekseev V. A. *Illjuzii i dogmy* [Illusions and Dogmas]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, 400 p. (In Russian).
3. Bondarev V. A. "Bab'i bunty" na Juge Rossii v 1930-h gg.: k voprosu o gendernoj specifike krest'janskogo protesta protiv sploshnoj kollektivizacii [Women's Rebellion in the South of Russia in the 1930s: to the Issue of Gender Peculiarities of Peasant Opposition to Universal Collectivization]. *Klio*. 2010, pp. 142–143. Available at: <http://naukarus.com/babi-bunty-na-yuge-rossii-v-1930-h-gg-k-voprosu-o-gendernoy-spetsifike-krestyanskogo-protesta-protiv-sploshnoy-kollektivi> (accessed: 15.01.2019). (In Russian).
4. Geraskin Yu. V. *Gosudarstvo i Cerkov' (iz istorii gosudarstvenno-cerkovnyh otnoshenij v Rjazanskom krae v XX veke)* [The State and the Church: on the History of Church-State Relations in the Ryazan Region in the 20th Century]. Ryazan, 2003, 80 p. (In Russian).
5. Geraskin Yu. V., Dudorova O. A. Soviet Anti-religious Propaganda: Forms and Methods at the Example of the Ryazan Province (1928–1933). *Problemy sovremennoj nauki* [Modern Research Issues]. Stavropol, 2015, iss. 16, pp. 116–122. (In Russian).
6. Geraskin Yu. V., Dudorova O. A. State Anticlerical Policies in the Ryazan Province. *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* [The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin]. 2016, no. 1, pp. 35–40. (In Russian).
7. Geraskin Yu. V., Fedin A. A. The Withdrawal of the Church's Valuables as a Catalyst for the Renovation Movement in the Ryazan Eparchy (analysis of print media). *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* [The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin]. 2017, no. 2, pp. 70–77. (In Russian).
8. Denisova L. N. *Sud'ba russkoj krest'janki v XX veke: brak, sem'ja, byt* [The Life of a Russian Peasant Woman in the 20th Century: Marriage, Family life]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007, 480 p. (In Russian).

9. Danilov V. P., Ivniĭskiy N. A. (eds.) *Dokumenty svidetel'stvujut. Iz istorii derevni nakanune i v hode kollektivizacii 1927–1932 gg* [Danilov V. P., Ivniĭskiy N. A. (eds.) Documentary Testimony. The History of Russian Villages before and during Collectivization]. Moscow, Politizdat Publ., 1989, 526 p. (In Russian).
10. Kiryanova E. *Kollektivizacija derevni Centra Rossii 1929–1932 gg* [Collectivization in Central Russian Villages in 1929–1932]. Ryazan, 2006, 261 p. (In Russian).
11. Kiryanov P. P. (ed.) *Kollektivizacija sel'skogo hozjajstva Central'no-Promyshlennogo rajona (1927–1937 gg.)* [Kiryanov P. P. (ed.) Collectivization of Agriculture in the Central-Industrial Region]. Ryazan, 1971, 902 p. (In Russian).
12. Krapivin M. Yu. *Nepriĭmannaja cerkovnaja istorija: vlast' i Cerkov' v Sovetskoj Rossii (oktjabr' 1917 — konec 1930-h godov)* [Real History of the Church: the State and the Church in Soviet Russia (October 1917 — the late 1930s)]. Volgograd, 1997, 366 p. (In Russian).
13. Lynne V. *Krest'janskij bunt v jepohu Stalina: kollektivizacija i kul'tura krest'janskogo soprotivlenija* [Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance]. (transl.). Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 367 p. (In Russian).
14. Odintsov M. I. A Seven Decade Journey: from Confrontation to Collaboration (State-Church Relations in the History of Soviet Society). *Na puti k svobode sovesti* [Searching for Freedom of Conscience]. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 29–71. (In Russian).
15. Plekhanova O. V. Taxation in Villages: Practice and Lessons (based on the materials gathered in the Moscow Province, the Ryazan Province, and the Tula Province in the 1920s). *Otechestvennaja istorija: ljudi, sobytija, mysl'* [Russian History: People, Events, Philosophy]. Ryazan, 1998, pp. 148–162. (In Russian).
16. Stepichev I. S. (ed.) *Pobeda kolhoznogo stroja v Rjazanskoj zemle* [Stepichev I. S. (ed.) The Victory of Collective Farms in the Ryazan Region]. Ryazan, 1976, 219 p. (In Russian).
17. Regelson L. *Tragedija Russkoj Cerkvi. 1917–1945* [The Tragedy of the Russian Church. 1917–1945]. Moscow, Krutitsy Metochion Publ., 2007, 644 p. (In Russian).
18. Lynne V., Zhuravlev S. (eds.) *Rjazanskaja derevnja v 1929–1930 gg. Hronika golovokruženija. Dokumenty i materialy* [Lynne V., Zhuravlev S. (eds.), Ryazan Villages in 1929–1930. The Chronicles of Dizziness. Documents and Materials]. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 1998, 751 p. (In Russian).
19. Stalin V. I. The Great Turn. Commemorating the 12th Anniversary of October Revolution. *Pravda* [Pravda]. 1929, October 3. (In Russian).
20. Ivniĭskiy N. A., Lynne V. (eds.) *Tragedija sovetsoj derevni. Kollektivizacija i raskulachivanie. Dokumenty i materialy: v 5 t.* [Ivniĭskiy N. A., Lynne V. (eds.) The Tragedy of Russian Villages. The Chronicles of Dizziness. Documents and Materials: in 5 vol.]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, 927 p. (In Russian).
21. Shkarovskij M. V. *Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in the 20th Century]. Moscow, Veche Publ., 2010, 480 p. (In Russian).
22. Engelgardt A. N. *Iz derevni. 12 pisem. 1872–1887* [From the Village. 12 Letters. 1872–1887], Moscow, Gosselhozizdat Publ., 1956, 490 p. (In Russian).

Information about the authors

Geraskin Yuriy Veniaminovich — Doctor of History, Professor in the Department of History at Ryazan State University named for S.A. Yesenin.

Research interests: church-state relations in the Ryazan region (1928–1936).

Contact information: e-mail: gera56@inbox.ru

Jayranov Stanislav Nugzarovich — priest, abbot of the Church of the Nativity of the Theotokos on Kulishki (Moscow), Postgraduate at the Department of Russian History At Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Research interests: church-state relations in the Ryazan region (1928–1936).

Contact information: e-mail: stas4587@mail.ru

Поступила в редакцию 19.01.2019

Received 19.01.2019